

Более того, превращение человека в свинью – явление глобальное, охватившее не только Россию, но и весь мир, поэтому не случайно в черновиках Достоевского, в главе «Исповедь старца», возникает пословица «Посади свинью за стол, она и ноги на стол», которая является ответом на вопрос старца самому себе: «Что в мире?» [XV. С. 247].

Как видим, Скотопригоньевск – это пространство, где собираются скотоподобные существа. Как указывает Н.А. Азаренко, «топоним Скотопригоньевск, безусловно, метафора эксплицитная: значение слова диктуется его внутренней формой, причем первый корень следует расшифровывать только в контексте языковой картины мира писателя, где скот отнюдь не сельскохозяйственные млекопитающие животные, и не тот, кого заставляют тяжело трудиться, и даже не грубый, подлый человек. В языке Достоевского скот – это прежде всего зверь, а зверь у Достоевского, в соответствии с текстами Священного Писания, – одно из имен дьявола» [17]. Достоевский постепенно, применив прием градации в использовании зооморфной символики, погружает читателя в мир бесчеловечных отношений и наконец озвучивает название города: «Из Скотопригоньевска (увы, так называется наш городок, я долго скрывал его имя), к процессу Карамазова» [XV. С. 15]. Немаловажной деталью является название газеты, где помещено сообщение якобы о деле Мити, – «Слухи» [Там же]. Во времена Достоевского новости в виде слухов распространялись не только в провинциальных городах. По мнению Ю.М. Лотмана, при изучении жизни в Петербурге «сразу же бросается в глаза огромная роль слухов, устных рассказов о необычайных происшествиях, специфическом городском фольклоре, играющем исключительную роль в жизни “Северной Пальмиры” с самого момента ее основания» [18]. Н.А. Добролюбовым в реальном Петербурге издавалась газета с таким же названием, как и в вымышленном Скотопригоньевске, – «Слухи». В реально существующем издании отмечалось, что содержание газеты – это «не мертвые числа и буквы, не архивная справка, не надгробная надпись умершему, – нет, это сама жизнь с ее волнениями, страданиями, наслаждениями, разочарованиями, обманами, страстями, – во всей красоте и истине» [19].

Не менее интересным с точки зрения репрезентации хронотопа является топоним *Скворешники*. Если наименование *Скотопригоньевск* можно отнести к зооморфным топонимам, то *Скворешники* – название орнитоморфное, в связи с чем и персонажи романа наделяются Достоевским птичьими чертами. В XIX веке *скворешниками* называли не домики для скворцов (для этого существовали лексемы *скворечня*, *скворечница*), а любителей певчих птиц, скворцов [20. С. 195].

На наш взгляд, *Скворешники* – это топоним, вызывающий в сознании читателя разнообразные ассоциации, что позволяет раздвинуть границы топографического значения данной лексемы.